

Журнал «Огонек»

№4, 1956

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №4, 1956 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 44 с.

ISBN 978-5-458-70113-6

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70113-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОГРАММА

ПОСТРОИТЬ ЗА ПЯТИЛИТИЕ В ГОРОДАХ, РАБОЧИХ ПОСЕЛКАХ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ЖИЛЬЕ ДОМА ОБЩЕЙ ПЛОЩАДЬЮ ПРИМЕРНО 205 МИЛЛИОНОВ КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ.

Балхаш. Новые дома на улице Мира.
Фото Я. Восина.

НЕФТЬ — 135 МИЛЛИОНОВ ТОНН

Нефтяные вышки в Татарской АССР.
Фото И. Тункеля.

ЭЛЕКТРОВОЗЫ — 550 ШТУК
ТЕПЛОВОЗЫ — 1 630 ШТУК

Электровоз «П-8».
Фото Е. Умнова.

УВЕЛИЧИТЬ РОЗНИЧНЫЙ ТОВАРООБОРОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И КООПЕРАТИВНОЙ ТОРГОВЛИ ПРИМЕРНО НА 50 ПРОЦЕНТОВ.

Новый магазин в Комсомольске-на-Амуре.
Фото М. Кузнецова (ТАСС).
Санаторий ВЦСПС в Боржоми-Линкани.
Фото В. Джейранова.

ОСУЩЕСТВИТЬ В ОСНОВНОМ ВСЕОБЩЕЕ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГОРОДАХ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ.

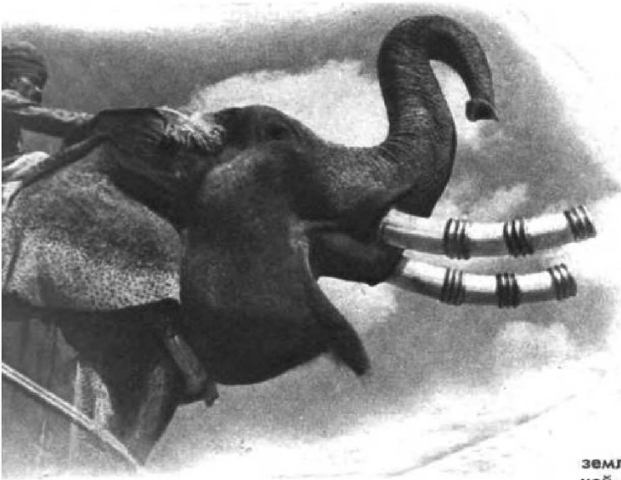
Новая средняя школа в Уфе.
Фото Г. Ефимова (ТАСС).

УВЕЛИЧИТЬ ПО СРАВНЕНИЮ С 1955 ГОДОМ ЧИСЛО МЕСТ: В ДЕТСКИХ ЯСЛЯХ — НА 44 ПРОЦЕНТА, В ДЕТСКИХ САДАХ — НА 45 ПРОЦЕНТОВ, В САНАТОРИЯХ — НА 10 ПРОЦЕНТОВ И В ДОМАХ ОТДЫХА — НА 13 ПРОЦЕНТОВ; ЧИСЛО БОЛЬНИЧНЫХ КОЕК — ПРИМЕРНО НА 28 ПРОЦЕНТОВ.

МОЯ ИНДИЯ

Кришан ЧАНДАР,
индийский писатель

Я далеко от родины, но воспоминания о ней овевают меня, как аромат цветов.

Они заполняют мой ум, согревают сердце. Цветы лотоса, что тихо покачиваются на груди болот и озер... Лесные розы, весной чарующие своим запахом долину Гульмарг... Цветы жасмина в садах Нового Дели, прелестные, как невеста в лунном свете...

Природа Индии прекрасна, прекрасна, как строки ее поэтов.

Я далеко от родины, но воспоминания о ней шелестят страницами ее мудрых, древних книг...

Я думаю и о тех цветах, которые создала не природа Индии, а ее народ. Цветы, высеченные из камня! Тадж-Махал! Разве может природа создать что-нибудь равное по красоте Тадж-Махалу! Взгляните на него, когда он залит лунным светом. Кажется, что любовь всей Индии, подавляемая столетиями, надела сверкающие одежды из белого мрамора и гордо возвышается на земле! Кажется, что

земля не была совершенной до того, как на ней построили Тадж-Махал.

Тадж-Махал, Элура, Красная крепость, изумительные храмы Южной Индии!

Каждое из этих творений — прекрасный цветок из камня, медленно встающий с каменных страниц Тадж-Махала!

Я далеко от родины, но нетерпеливые и требовательные воспоминания о ней все время зовут меня...

Мой ум заполнен и теми цветами, которые до сих пор продолжают оставаться мечтой, которых нет еще на свете, но которые прекрасней всего сущего! Индия — это не только страна славного прошлого, но и страна надежд для детей будущего. Несмотря на всю свою отсталость и нищету, моя родина смело смотрит вперед, потому что сыны ее трудолюбивы, честны и талантливы, потому что они любят красоту и мир. Только шесть лет прошло с тех пор, как Индия стала независимой Республикой, и то, что сделали незаметные, но великие труженики моей страны за тот период, который прошел со времени Освобождения, достойно всяческой похвалы...

Новый промышленный район в долине Дамодара, на стыке Бихара и Западной Бенгалии... Гудки локомотивов, созданных руками

Шар-Минар. Хайдерабад.

индийцев в Читтаранджане... Величественные очертания плотины в Бхакре, откуда потекут по стране потоки электричества... Каналы для полей, истосковавших по влаге... Колледжи и школы, где юность страны готовит себя к светлой жизни.

Железо плавится и становится мягким, как воск, в руках человека. Будущее будет прекрасным для народов Индии!

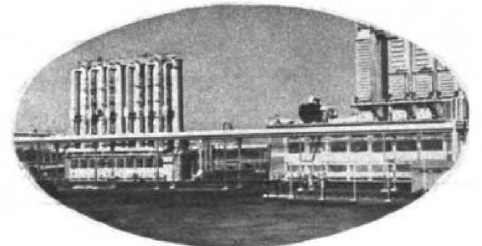
Я далеко от родины, но мысли о ней приходят ко мне, как старые друзья, и нежно обнимают меня...

Я думаю о миллионах людей, моих соотечественниках, — это они настоящие цветы Индии. Это они оказали триумфальный прием руководителям Советского Союза, показав всем странам свою волю к миру.

В садах цветут разные цветы, разные по окраске, по величине, по аромату. Но все они цветут в одном саду. Ни один цветок не враждует с другим.

Я хотел бы, чтобы все народы жили, как эти цветы!

Коксохимический завод в городе Синдри.

Зима в Гульмарге. Кашмир.

Народный танец. Штат Пенсу.

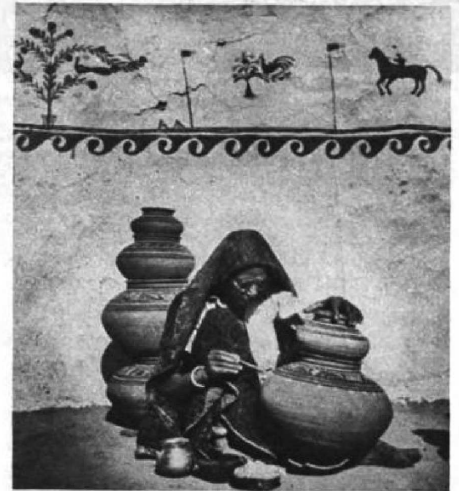
Лотос.

Белый павлин.

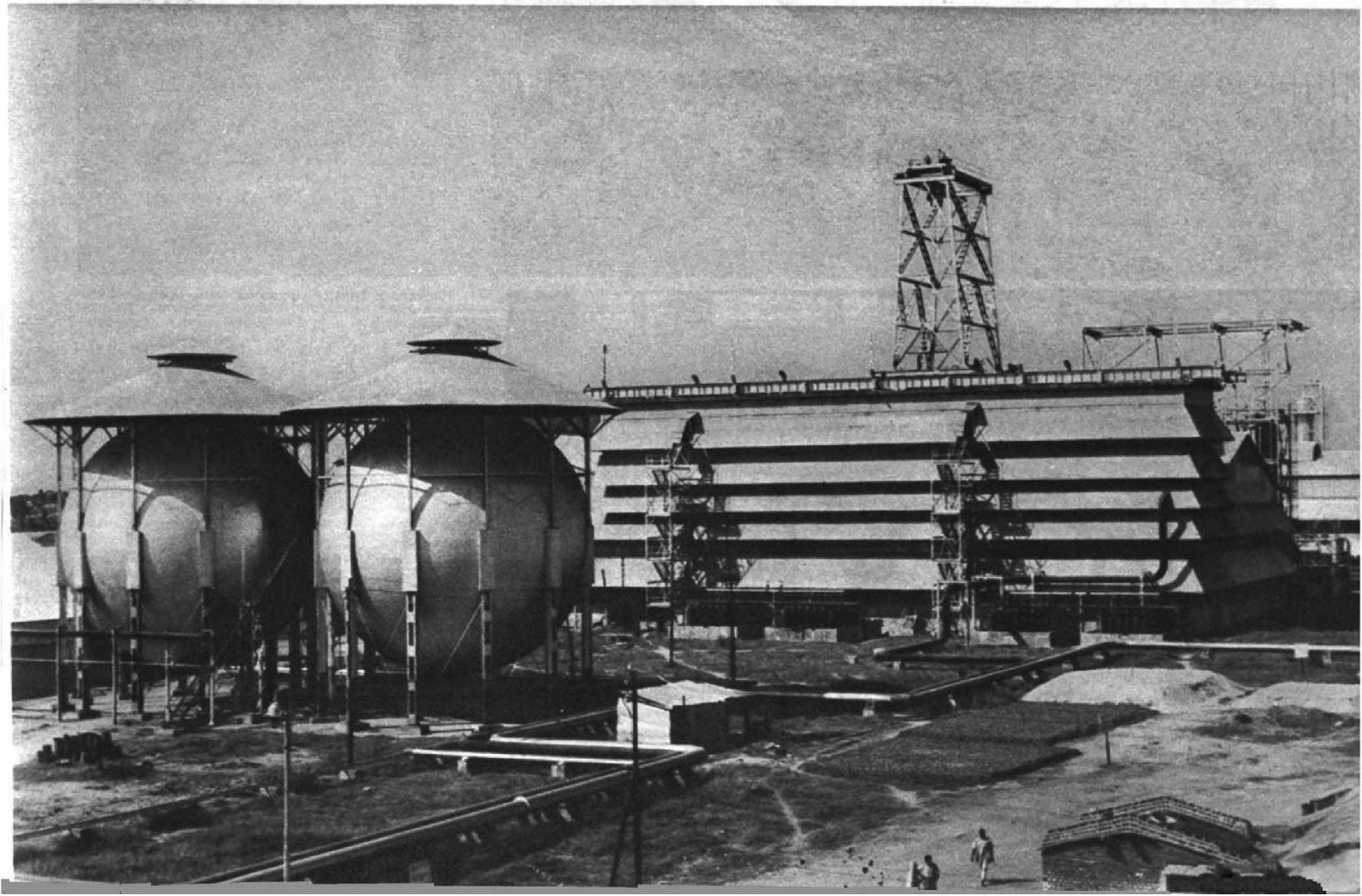
Это говорю не только я, это говорит мой народ — свободная Индия.
 В День провозглашения Республики я, гражданин Индии, передаю сердечный привет советским друзьям, тем людям, которые, защитив человечество, своей кровью вспоили его свободу, как прекрасный цветок.
 Да цветет дружба между СССР и Индией!
 Да будет мир!
 Да воцарится дружба между всеми народами мира!

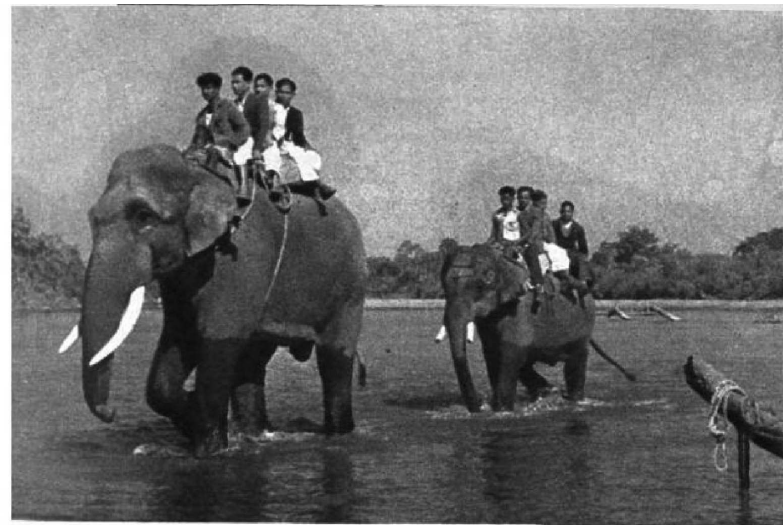
Москва.

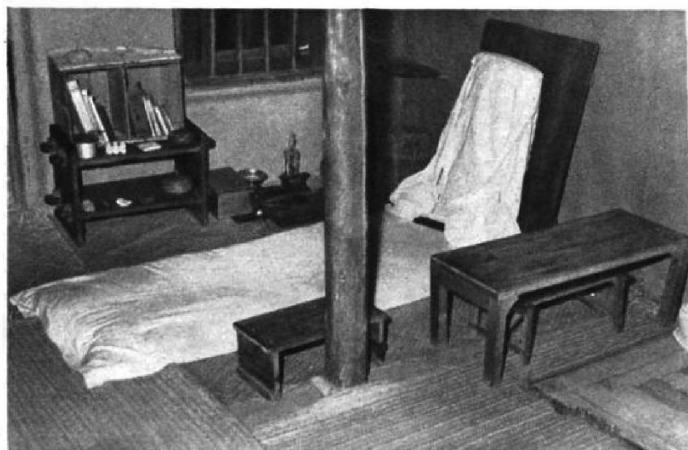
Роспись гончарных изделий — одно из прекрасных ремесел старой Индии.

Синдри. Завод искусственных удобрений.

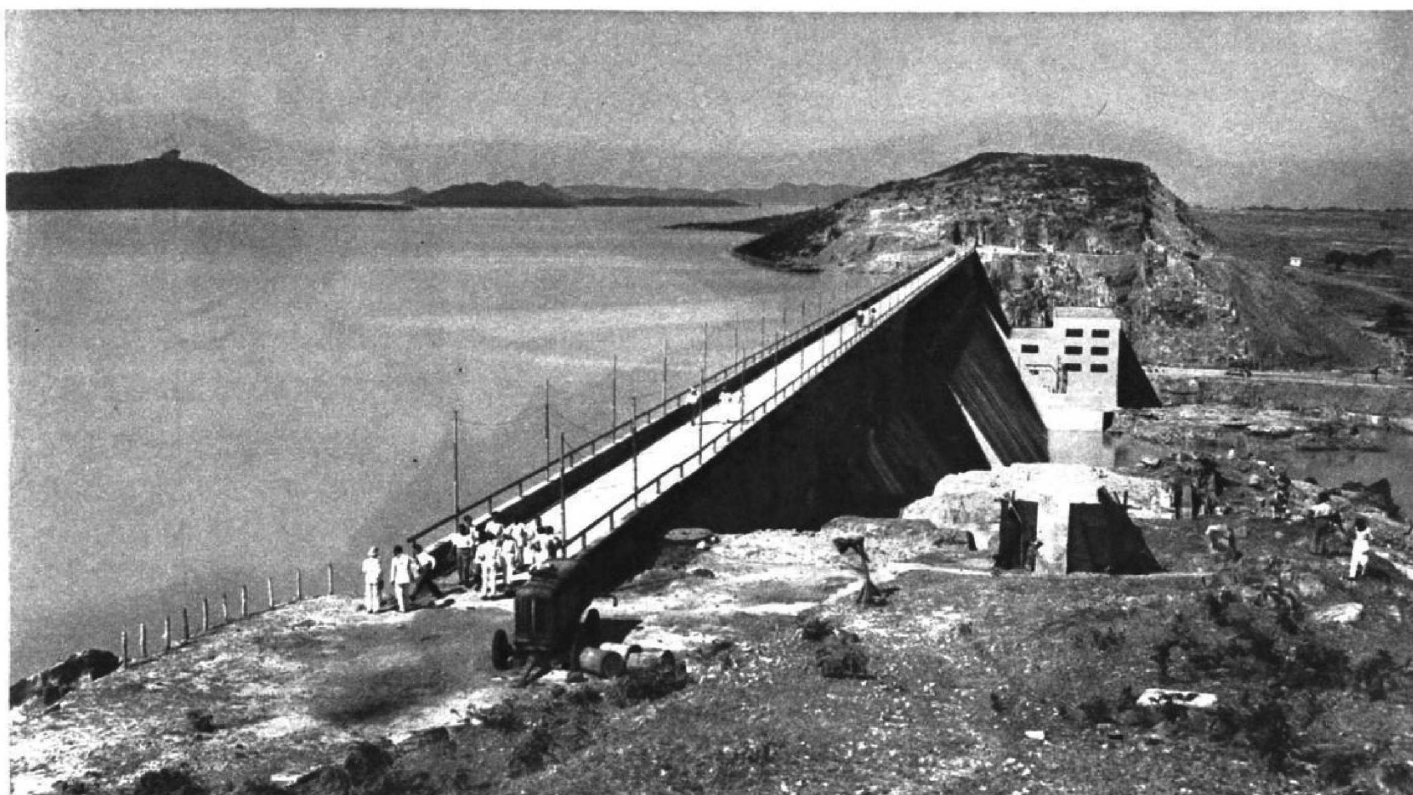

На слонах через реку Брамапутру.

Севаграм. Здесь жил Махатма Ганди.

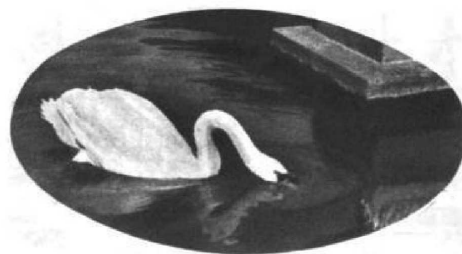

Плотина в Тилая — одна из семи, предназначенных для экономического развития долины Дамодара.

Мадрас. Студенты технологического института на практических занятиях.

Фото корреспондентов Информационного бюро Индии.

Двойные посевы

Георгий БЛОК

Эта неожиданная памятная встреча произошла жарким летним днем 1946 года. Молодой агроном Петр Васильевич Юрин ехал на двуколке, когда его окликнул знакомый лесник Федор Антонович Петухов.

Поздоровались, закурили, перемолвились незначительными словами. Юрин собрался уже распрячься, тронуть лошадь и ехать дальше, когда Петухов объявил, что с ним приключилась, как сказывали в старину, какая-то чертовщина, вроде нечистый попутал, не иначе, и ему нужно посоветоваться с образованным человеком.

Не дожидаясь вопросов, он торжественно выпалил:

— Посеял овес, а выросла рожь! Вот тебе загвоздка.

Прошлогодней весной, охотно рассказывал старик, он распахал клочок земли на опушке леса, благо подвинулась ладная целинная полянка. И посеял самый обыкновенный овес. Летом не уследил — стадо, видно, забрело, вытоптало посев. Убирать, оказалось, было нечего, семян своих не вернул. Обидно, конечно, но не в том суть.

Весной этого года участка не трогал: прихварывал. Долго не выходило случая побывать там. А два дня назад ненароком туда завернул, да так и обмер: на опушке шумит рожь, ровная, густая, чистая, будто ее кто тайно посеял. Однако сеять было некому. Да и земля стоит непаханная, видать, с той весны.

Откуда рожь принесло? Овес под снегом переродился, и из корней его рожь вымахала? Чертовщина, да и только!

— Не может такого быть, — усомнился агроном. — Напутал, брат.

А тот гнет свое:

— Съездим, посмотрим, воочию убедимся, оно и наглядней. Так-то толочь воду в ступе будем...

На опушке соснового леса под порывами теплого ветра действительно колыхалась ржаное поле. Не обманул Петухов и насчет того, что осенью землю не вспахивали, — кое-где уцелели жухлые овсяные стебли. Поковырялись в корнях. Старик опять за свое:

— Гляди: корень овсяный, а колос ржаной, значит, произошла рожь из прошлогодних корней овса.

Долго ходили по полю, горячо спорили, но к согласию не пришли. Юрин, поразмыслив, сказал, что, по всей вероятности, семена, которые лесник бросал в землю, не были чистыми, а с примесью ржи, килограммов примерно десять на центнер. А он, Петухов, ее попросту не заметил. Эта рожь — озимая культура — вы-

стояла под снегом, а весной нормально двинулась в рост. И корни у нее обыкновенные, ржаные.

Такое объяснение задело лесника за живое, и он мрачно побрел в свою сторожку.

Проехав с километр, Юрин поймал себя на том, что думает о странном случае. Встреча не на шутку взволновала. Самое простое — на первом лесном повороте вышвырнуть ее из памяти — оказалось неосуществимым. Впервые, обидно — он ни в чем не разуверил старика: одними словами немного докажешь. Во-вторых, случай и на самом деле попался весьма примечательный.

Лесника занимает одно: утвердить «чудо с овсяной рожью», да еще на целом поле. Его же, агронома, волнует не победа в споре — хотя, конечно, приятно доказать свою правоту! Его, словно вспышка молнии, озарила мысль: да ведь лесник упустил возможность снять два урожая с одного посева! Сей-то он однажды, и если бы не потрава, то собрал бы с поля сначала овес, а затем, спустя год, и рожь.

Заманчивая перспектива! Юрин — агроном не только по призванию, но и по рождению — не чуждался мечты. А в этой, пожалуй, есть и рациональное зернышко. Вот бы ее претворить в жизнь!

Мысленно Юрин попытался представить себе, как бы поступил на его месте отец, родоначальник династии агрономов. По наследству Петр Васильевич приобрел и его неистовую, преданную, нежную любовь к материнской земле.

Отец — Василий Петрович — горбом завоевал право на образование. Простой крестьянин, он пробил себе дорогу и в конце прошлого века стал агрономом. То, что было великим испытанием для отца, оказалось простым и доступным для его многочисленного потомства. Дети — шестеро братьев, за исключением одного, и четверо сестер — избрали своей специальностью специальностью родителя — агрономии.

Все они получили образование, кто высшее, кто среднее. Одни, подобно отцу, сделали садоводами, другие — полеводцами, третьи — механизаторами.

В семье чтили Тимирязева и Мичурину. «Другого нет у вас, у Юриных, пути, — шутило говаривал Василий Петрович, — кроме как в сельское хозяйство». Только один уклонился, да и то нельзя уверенно сказать, что насосем.

В 1933 году, семнадцатилетним юношей, Петр окончил Орловский садово-огородный техникум и с путевкой в кармане перебрался на Алтай. На первых порах в

колхозе к нему относились прохладно, недоверчиво: был мал ростом, всего ста пятидесяти пяти сантиметров, безусым, мальчишески озорным.

Юноша делом защитил честь агрономической фамилии, доказал, что юность и малый рост не помеха, если есть знания, есть желание и упорство. Его оценили по заслугам, повысили «в чине» — он стал участковым агрономом Чесноковской МТС. Кстати, за три года алтайского периода он прибавил к своим 155 сантиметрам еще почти двадцать пять. И нажил первый опыт.

С тех пор много воды утекло. В высоком светловолосом человеке с обветренным и опаленным солнцем лицом алтайцы вряд ли узнали бы шустрого малыша.

За эти годы вырос он не только внешне, но и внутренне. Попрежнему главная страсть в жизни — агрономия. Ей Юрин не изменил, куда бы его ни забрасывала судьба.

Война оталекла братьев Юриных от мирного труда. Все шестеро сражались за свободу и независимость Родины. Двое пали смертью храбрых...

Демобилизованного Петра Юрина мы застаем под Москвой колхозным агрономом в Шелковском районе, где вскоре и приключился «овсяно-ржаной» случай.

Этот случай заставил его задуматься всерьез и надолго. Но позвольте, могут нам возразить, с незапамятных времен существуют смешанные посевы растений различных видов. Есть основание думать, что вообще культурное земледелие зародилось именно таким путем.

Следует отметить интересные опыты, проводимые на протяжении многих лет в Институте зернового хозяйства нечерноземной полосы кандидатом сельскохозяйственных наук С. С. Праксиним. Он сеял весной озимую пшеницу вместе с бобовыми. В первый год экспериментатор получал два укуса отличного сена, а во второй — хороший урожай зерна.

Сущность идеи Юрина, как он позже ее сформулирует, принципиально иная. Заключается она в том, чтобы совместить на одном поле посевы растений, различных в стадийном, возрастном, сортовом отношении, но принадлежащих к одному виду.

Еще впереди годы размышлений и поисков, опытов и споров, трудностей и удач. Еще впереди учеба на биологическом факультете Московского университета, куда зрелым тридцатипятилетним агрономом поступил Юрин. Совмещая работу в колхозе имени Чкалова с занятиями, за два с половиной года он «перемолол» курс наук, рассчитанный на пять лет.

Еще впереди диплом с отличием и приглашение в аспирантуру.

У Юрина необычный, трудный и почетный путь в науку. Свою диссертацию он готовил на поле, в колхозе. Фактически он начал писать ее еще до того, как сделался студентом. И главное для него не кандидатская степень (он ее успешно защитил в декабре прошлого года), главное — претворить в действительность идею, неожиданную и плодотворную, которая родилась после разговора с лесником.

Весной он заложил крошечное опытное хозяйство. На одной площадке в один день посеял две культуры — яровую пшеницу совместно с озимой. Одобрит ли природа смелый почин? Следовало запастись терпением: опыт длится почти полтора года. Если он будет удачным, сельское хозяйство кое-что приобретет. Отпадет, например, необходимость в августовской вспашке перед сево озимых, которая производится в разгар уборки, когда и без того много хлопот.

Первая робкая попытка совместных, как их впоследствии назовут, посевов, первые волнения. Участок разделен на квадраты, где проводились различные варианты опыта. Тут же контроль — раздельный посев: весной — яровых, осенью — озимых, чтобы было с чем сравнивать.

Летом, когда приближалась пора уборки, на делянки с удивлением поглядывал каждый, кому доводилось пройти мимо. Растения располагались как бы в два этажа. Первый — на высоте в полметра — занимала густая, сочная зелень озимой, а второй — вдвое выше — золотой лес колосев яровой пшеницы.

Скошен первый хороший урожай, занесено в толстую тетрадь первое неоспоримое достоинство: солома перемешана пополам с сеном, качеством лучше лугового. Естественную мешанку охотно поедает крупный рогатый скот, лошади, овцы. И тут же червячок сомнения: не окажется ли это достоинство единственным, той самой трин-травой?

Вот пушистая белая шуба прикрыла ежик зеленых побегов. Незвизирая на стужу, Юрин частью заглядывал к своим подопечным: а может, они замерзли? Не только бродил он кругом, но нередко копался в снегу, на крошечной площадке разгребал его и вырубал монолит — кусок мерзлой земли со всем, что он содержал, — и бережно относил в колхозную лабораторию. Здесь землю постепенно оттаивали. Ее ставили поближе к окну, к свету. Прорастут ли растения? Через несколько дней с радостью убеждался: живы, растут!

Новая весна, пригрело солнце, побежали веселые ручьи. Старики

Профессор Б. А. Рубин и кандидат биологических наук П. В. Юрин (слева) в лаборатории кафедры физиологии растений МГУ.

Фото В. Кузьмина.

удиялялись, осматривали деланки, где чудак-агроном не пахал, не саял, и неодобрительно качали головой: не убирать ему, не веать.

Словно наперекор мрачным прогнозам «годовалые» стали быстро тянуться вверх. Обгоняя своих соседей обычного посева, они пышно кустились, входили в трубку, выбрасывали стебли, на верхушках закачались колосья. Урожай пошел на две недели раньше контрольных.

С опытных и контрольных деланок собран хлеб. Подбиты и записаны в тетрадь итоги за два лета. С деланок обычного посева — весеннего и осеннего — снято в пересчете на гектар тридцать два центнера зерна, совместный дал за тот же срок пятьдесят три. Двадцать один центнер — солидная прибавка!

Разглядывая и взвешивая отборные золотые зерна, выращенные на опытном участке, агроном улыбался — ему не придется краснеть: зерно крупнее и тяжелее обычного. Озимая пшеница весеннего посева не росла вхолостую, не обернулась она и яровой. Наоборот — и это подтвердили последующие эксперименты, — приобретенные ею новые свойства большей озимости прочно закрепились в потомстве.

Миновало несколько лет напряженных исследований. Одним из первых поверил в перспективность начинаний руководитель кафедры физиологии растений МГУ профессор Борис Анисимович Рубин. Он взял шефство над студентом-агрономом, помог ему разобраться в сложной картине взаимоотношений между озимой и яровой пшеницей, изучить физиологические основы совместных посевов.

Прежде всего выяснилось, что вовсе не безразлично, как и какими семенами сеять. Если сразу бросать в бороздки сухие семена

озимой и яровой пшеницы на одинаковую глубину, то они прорастают почти одновременно, отвоюют друг у друга почвенную влагу, что не очень желательно, особенно в засушливую весну.

Неоднократно испытывались различные варианты. Навысший урожай приносит, если можно так выразиться, двойной посев на хорошо удобренной и вспаханной орошею почве.

Весенним утром на глубине семи — восьми сантиметров сеются семена озимой, а днем поперек первой, крест-накрест, вдвое ближе к поверхности, заделываются наклонившиеся смоченные семена яровой пшеницы. Таким образом, яровая уже опережает свою «компаньонку», которая развивается как подпокровная культура. Корневые системы размещаются в два яруса, одна над другой, и не мешают друг другу.

Вскоре Юрин обнаружил, что не все растения озимой выходят после зимовки здоровыми. Некоторые — пять — десять на сотню — дряхлеют (старятся) и засыхают. Неужели нельзя предотвратить это явление, омолодить растения? Можно, и очень несложным способом. В августе подросшую зелень низко выкашивают, подобно тому, как стригут машинкой волосы школьника, сразу подкармливают минеральными и органическими удобрениями и боронуют.

Этот прием производит буквально магическое действие. Растения начинают буйно куститься и образуют не два — три побега, как обычно, а во много раз больше. Весной встречаются кусты с пятнадцатью — двадцатью стеблями от одного корня. И почти каждый увенчивается тучным колосом, зерен в нем больше, нежели в колосе осеннего посева.

Такая удивительная кустистость поразила опытного агронома-

аспиранта, разбудила его фантазию. Ведь это сулит в будущем неслыханные урожаи. Пока, конечно, это только мечта, но самые осторожные подсчеты ошеломляют. Можно будет собирать урожай зерна не в полтора раза больше по сравнению с тем, что уже завоевано совместными посевами, а во много раз больше.

Двести центнеров с гектара станут не исключением, а заурядным явлением. Такой урожай — заветная мечта Юрина. Понятно, это потребует высокого агрономического «фона», или, проще говоря, отличной агротехники, которую осуществляют передовики сельского хозяйства.

Как тут не вспомнить о пресловутой выдумке кабинетных создателей псевдозакона убывающего плодородия! Сейчас настала эпоха, когда надо говорить не о двух колосьях там, где рос один. Подлинный закон природы — возрастающее плодородие.

Совместные посевы обладают важными качествами. Например, при посеве необходимо значительно меньше семян озимой пшеницы. Не двести килограммов на гектар, как предусмотрено нормой, а сто тридцать — сто сорок. Сколько ныне расходуется на два гектара, хватит на три!

И такая экономия не отражается на урожае отрицательно, не снижает его. Наоборот, растения прекрасно себя чувствуют, лучше кустятся, их не стесняют соседи. А разветленные корни позволяют извлекать нужные питательные вещества и в изобилии снабжать ими многочисленные колосья.

И еще одно преимущество. Посев, особенно в первый год жизни, радует чистой всходов. Его словно покидают сорные травы, точно они не находят себе здесь места. Почему? У каждой культуры есть свои, приспособленные именно к ней враги.

Одни поселяются и благоденствуют только в яровой, другие — в озимой пшенице. А когда они растут вместе, то сорняки отступают: такое содружество им не по вкусу. Прополка не нужна.

Благодаря тому, что поле совместного посева ежегодно не пахнут, пшеница приняла на себя обязанности многолетних трав. Пласт накапливает запасы перегноя, восстанавливается структурность почвы, повышается ее плодородие. И вместо того, чтобы отдыхать под паром, поле приносит урожай.

Высказывались опасения, что сочная зелень помешает механизировать уборку ярового хлеба, что машина не сладит с переработкой столь большого количества массы, к тому же наполовину сырой. Однако практика опровергла сомнения, страхи оказались напрасными. Комбайн справился с поставленной задачей.

Чем больше Юрин экспериментировал, тем дальше и шире раздвигалась перспектива. Наступил день, когда он решил испытать новый метод и на других культурах, например, на картофеле, овощах и травах.

На «домашней» деланке он посадил одновременно ранний пророщенный и поздний сорта.

Идея по-настоящему полюбилась двум бригадирам колхоза имени Чкалова — Клавдии Газриловой Сафоновой и Анне Васильевне Дмитриевой, увлекла их.

Они сделались первыми рачительными помощниками агронома, первыми судьями нового способа и, забегаая вперед, его верными сторонниками и последователями.

Выбрали поле, несколько гектаров, засадили его строгими густыми рядами, через один, раннего яровизированного и позднего картофеля. В июле на дикомовное зрелище сбегались смотреть любопытные соседи: полоса ботвы с бутонами сменялась полосой с увядшими цветами. Вырыли куст — другой наудачу — клубни с кулак величиною. Конным плугом, через полосу, выворотили из земли картофель и отправили его на весы. Сто центнеров с гектара!

Поздний подкормили удобрениями и окучили. Картофель протянул корни на свободное пространство, завязал новые клубни, ботва разрослась. Осенью посторонний человек не догадался бы, что с этого поля однажды уже урожай сняли. В сентябре выкопали вторую «очередь» — еще двести центнеров с гектара.

На следующий год двоянную посадку успешно повторили на большой площади. Колхоз имени Чкалова полностью выполнил годовой план поставок картофеля до 1 августа.

Петр Васильевич Юрин убежден, и, по мнению авторитетных ученых, вполне резонно, что за счет таких посадок города и промышленные центры могут быть в изобилии обеспечены ранним картофелем, без ущерба для основного осеннего сбора.

Совместные посевы яровой и озимой пшеницы, раннего и позднего картофеля выдержали экзамен и в опыте откликнулись высоким урожаем. Несомненно, что к ним примкнут капуста, морковь и огурцы, помидоры, кукуруза и клевер. Конечно, речь идет о принципе. Каждая культура обладает своей индивидуальностью и требует персонального подхода в зависимости от климатических, почвенных и иных условий.

Напоследок хотелось бы поведать об одном примечательном событии прошлого лета. Под Москвой, на знаменитой Грибовской селекционной станции, где работает родная сестра Юрина — Ольга Васильевна, автор новых сортов арбузов и дынь, — состоялся слет агрономической фамилии. Со всех концов страны съехались все члены семьи, братья и сестры.

На повестке дня один вопрос — юбилей — 85-летие со дня рождения основателя династии Василия Петровича, который прибыл на семейный научный совет — так было сказано в телеграмме — из Белоярского района, Свердловской области, где он трудится над книгой, посвященной северному садоводству.

Однако юбиляр — председательствующий — по-своему повел «заседание». Он попросил, чтобы каждый рассказал о себе и своих успехах. Пришло слово подчиниться. Взял слово и Петр Васильевич. Отец внимательно слушал, спрашивал сына и под конец сказал:

— Знаю твое дело, Петр, сам видел в натуре. Сдается мне, что попал ты, по-уральски скажу, на жилу. Восемь лет опытничаешь, результаты подходящие, мичуринские: не ждешь милостей от природы, хочешь взять их. Бери, народ оценит, поможет.

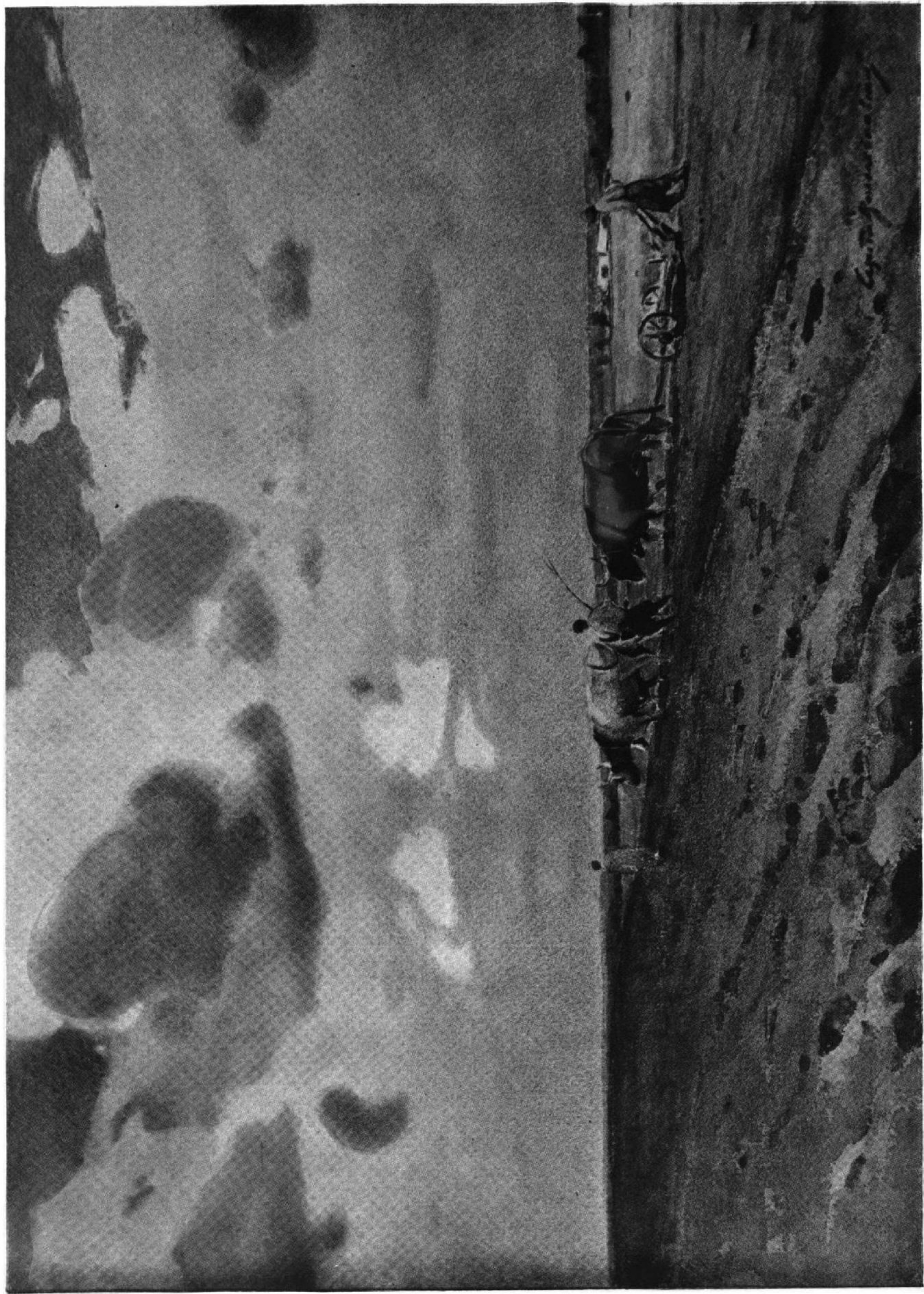
М. В. Нестеров (1862—1942). ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА Н. А. ЯРОШЕНКО.

Полтавский областной художественный музей.

Н. А. Ярошенко (1846—1898). КУБАНЬ.

Полтавский областной художественный музей.

С. И. Васильковский [1854—1917]. ПЕРВАЯ БОРОЗДА.

Из фондов Полтавского музея

Немало прекрасных живописных произведений хранится в Полтавском государственном художественном музее. Создание музея связано с именем известного художника Н. А. Ярошенко, который свое собрание картин завещал городу, где родился и провел юношеские годы.

В этот же музей М. В. Нестеров передал выполненный им портрет Ярошенко. Оба художника, несмотря на 17-летнюю разницу в возрасте, были большими друзьями.

Нестеров вспоминал позже, что Ярошенко «слыл самым свободомыслящим художником; безупречный, строго принципиальный, он был как бы «совестью» художников... Николай Александрович понравился мне с первого взгляда; при военной выправке в нем было нечто такое своеобразное изящество, было нечто для меня притягательное. Его лицо внушало доверие, и, узнав его позднее, я всегда верил ему (бывают такие счастливые лица). Гармония внутренняя и внешняя чувствовалась в каждой его мысли, слове, движении».

В последние годы жизни Ярошенко тяжело болел. За несколько месяцев до его смерти Нестеров написал портрет своего друга. Художник впервые создал законченный портрет. Хотя Нестеров и раньше много раз обращался к портретному жанру, но все это были лишь этюдные работы.

Однако взыскательный художник сам не был удовлетворен живописным портретом Ярошенко и незадолго до смерти как бы дополнил этот образ литературным очерком о своем друге, который в 1942 году был напечатан в журнале «Октябрь».

В конце XIX века в русской живописи появляется много жанровых и портретных произведений, рассказывающих о жизни крестьян, раскрывающих их образы. Этому посвятил свое творчество выдающийся украинский живописец С. И. Васильковский. Примечательен и портрет пастиуха, написанный А. Е. Архиповым. Умный и напряженным взглядом крестьянина говорит о сильной воле, незаурядном характере.

Ярошенко, который первым запечатлел образ русского индустриального рабочего, собирал материалы для своих социальных произведений во время поездок по России. Кроме жанровых этюдов и зарисовок, он писал и пейзажи. Из последних поездок на Кубань он привез серию произведений; одно из них напечатано на вкладке.

Полтавский музей обладает интересными пейзажными произведениями. В. Д. Поленов представлен здесь сочной по живописи картиной «Осень в Абрамцеве». Большой мастер пейзажа, Поленов оказал значительное влияние на развитие русской живописи. Многие обязаны ему и один из его талантливых учеников, И. И. Левитан, который в своих пейзажах сумел передать, кроме красот природы, что так проникновенно делал Поленов, богатую гамму человеческих чувств.

Н. СВЕТЛОВА

Русский язык в Англии

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей устроило вечер, посвященный итогам месячника англо-советской дружбы. С большим интересом было выслушано выступление профессора Н. К. Гудзия.

— Посетоду в Англии, — сказал Н. К. Гудзий, — мы ощущали огромный интерес к нашей стране.

В дорогах для каждого из нас мест, связанных с памятью великого шотландского поэта Бёрнса, во всех городах Англии, которые мы посетили, простые люди приветствовали нас как посланцев мира и дружбы. Никогда не забуду хранителя музея Бёрнса. Когда мы прощались, этот старый человек сказал: «Передайте привет маршалу Булганину и мистру Хрущеву. Когда они приедут в Англию, пусть взглянут к нам, в домик Бёрнса!»

Естественно, что меня интересовало преподавание и изучение в Англии русского языка и литературы. Я беседовал на эту тему со многими англичанами и по их просьбе прочел несколько лекций в университетах Оксфорда, Кембриджа, Глазго и Эдинбурга. Это были лекции проблемного характера, посвященные творчеству Льва Толстого и древней русской литературе. Читал я их на русском языке без переводчика. На одной из таких лекций присутствовало около 100 человек.

Русский язык и литература преподаются в десяти университетах; наиболее основательно, мне кажется, в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском. Студенты

учатся переводить не только современных писателей и классиков, но и древнерусские тексты. В экзаменационных билетах рядом с абзацами из «Поднятой целины» и «Русского леса» идут отрывки из «Слова о полку Игореве» или «Жития протопопа Авакума».

Еженедельно студенты пишут по-русски сочинения, часто на сложные и разнообразные темы. Они также изучают историю русского языка.

К услугам тех, кто занимается русской филологией в Оксфордском, Кембриджском и Лондонском университетах, в библиотеках имеются редкие издания памятников древнерусской письменности.

В Оксфорде и Лондоне выходят научные журналы, посвященные славянской истории и филологии, в данный момент составляется этимологический словарь русского языка.

Вообще, у меня создалось впечатление, что английские студенты изучают русский язык и литературу с большой охотой и интересом. В Кембридже, например, студенты ставят на русском языке «Бориса Годунова», «Ревизора», пьесы Чехова. Русским языком занимаются не только филологи, но и студенты других специальностей. Их пока еще сравнительно немного, но будет, несомненно, больше. Русский язык введен недавно и в некоторых средних школах. Это вполне понятно: в Англии неуклонно растет интерес к Советскому Союзу.

А. ЛАРИН

16 января в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация Народного Собрания Народной Республики Болгарии, возглавляемая Председателем бюро Народного Собрания Народной Республики Болгарии Ф. Козовским. 17 января делегацию приняли в Кремле Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Ладис и заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР А. А. Лебедев. После приема делегация осмотрела Кремль. На снимке: В. Т. Ладис и А. А. Лебедев показывают гостям зал заседаний Верховного Совета.

Фото А. Гостева.

Новый посол Франции

14 января Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял в Кремле Чрезвычайного и Полномочного Посла Франции в СССР М. Дижана, который вручил свои верительные грамоты. К. Е. Ворошилов и Посол М. Дижан обменялись речами.

Климент Ефремович Ворошилов в своей ответной речи заверил Посла, что со стороны Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства ему будет оказана всемерная поддержка и содействие в его деятельности, направленной на укрепление дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Францией.

ЧТО УДИВИЛО ГАРОЛЬДА ВИЛЬСОНА В МОСКВЕ?

Группа английских промышленников, посетившая Москву на прошлой неделе, успешно вела переговоры с советскими внешнеторговыми организациями. Все они, в том числе Гарольд Вильсон — видный общепарламентский деятель, член парламентской и бывший министр внешней торговли, — не впервые посещают нашу страну.

Накануне отъезда на родину Гарольд Вильсон был принят Н. С. Хрущевым и А. И. Микояном.

— Я получил большое удовольствие от этой поездки в Москву, — заявил корреспонденту «Огонька» Гарольд Вильсон — такое большое, что можете не сомневаться, скоро я буду здесь снова! Тем более, — продолжал он, — что я научился переносить московские морозы не хуже любого москвича...

— Каковы перспективы советско-английской торговли в начавшемся году?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Гарольд Вильсон говорит о том, что две вещи особенно поразили его в Москве 1956 года. Он провёл в Москве всего три дня; все же он хотел бы сказать о том, что ему бросилось в глаза: во-первых — большой размах строительства, гораздо больший, чем в 1954 году, когда он также приезжал в Москву, и, во-вторых, продолжающееся улучшение снабжения населения товарами широкого потребления.

Гарольд Вильсон и его спутники посетили многие московские магазины, и они пришли к выводу: количество и качество товаров широкого потребления, поступающих в продажу, чрезвычайно выгодно отличается от того, что они видели два — три года назад.

— Расширения англо-советской торговли, связанного с ожидаемым ослаблением контроля над продажей так называемых стратегических

товаров, — продолжал Вильсон, — и сомнению, не произошло в последнее время. Будем надеяться на лучшее.

— Торговые отношения между нашими странами должны улучшаться, и они будут улучшаться, — вступил в беседу Дн. Фишбейн, представитель фирмы «Интернейшнл пластик». — Мы надеемся, — заявил Фишбейн, — что 1956 год будет годом широкой англо-советской торговли. Мы верим, что торговые отношения между нашими странами будут развиваться на взаимовыгодной основе!

Все представители деловых фирм, гостившие в Москве, заявили, что им, как всегда, был оказан радушный прием.

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Из романа «Орнитологическая степь»

Михаил БУБЕННОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

При полном безветрии солнце плавало в снегу. Началась степное половодье. В степи, до жути просторной и безлюдной, всюду виднелись стаи пролетной птицы. На солонцах, где снег пропитался грязной желтизной, озабоченно, всполошенно гоготали гуси и неумолчно, без всякой нужды, перекликались непоседливые, верткие чибисы. По всем горничкам — мелким озерам, отороченным бурой колочкой и почерневшей кугой, — царственно проплывали, блистая зелено-сизым брачным оперением, краковые красавицы-селезни. На просторной открытой воде отдыхали табуны голубой черныи. Слово бы разминаясь перед дальнейшим полетом, нырки поочередно приподнимались над водой и, трепеща, ослепительно сверкали на солнце белыми зеркальцами крыльев, а потом охорашивались, чистили и укладывали плотное перо. Не меньше, чем на земле, было пролетных стай в воздухе; торопясь, они шли на север одновременно в несколько ярусов, и от их неумолчной тревожной разноголосицы стоном стонала степь... Бригада Леонида Багрянова двигалась на Лебяжье старым трактом вдоль кромки соснового бора. Головной трактор вел Корней Черных. Он все время зорко поглядывал вперед, стараясь своевременно обойти опасные места: снежинки, где могли быть лубые ямы, с виду небольшие, но глубокие ямки и особенно солонцы. Иногда он останавливал трактор, вылезал из кабины, оглядывался на колонну, осматривал степь в больших черных плевнях и, возвращаясь на свое место, задумчиво произносил:

— Да, приподзали...

На полпути к Лебяжьему показалась отара овец, рассыпанная по большой проталине правее тракта, а на снежном фоне степной дали — журавель колодца и приземистые, с раскрытыми крышами кошары. Среди овец передвигались, иногда за чем-то нагибаясь, две женские фигуры, а у самого тракта, вероятно, поджидая бригаду, стоял всадник на пегой лошади.

Поровнявшись с всадником, Корней Черных остановил трактор и вылез из кабины.

Перед ним был чабан лебяженского колхоза калмык Гашута. Он был очень стар, но еще крепок на ногу и локот в седле. На его маленькой ястребиной голове возвышалась островерхая шапка, отделанная полублестлой лисицей-огневкой. Из-под меха, прикрывавшего лоб и даже брови, казалось, совершенно безразлично смотрели на мир красноты, мутные, слезящиеся глаза. Все лицо Гашуты, сухое, прочерненное, изрытое глубокими морщинами, имело равнодушно-покорное выражение, лишь слегка освещенное слабенькой, виноватой улыбкой. Гашута был в грязном, замызганном и покоробленном шубняке, засаленных ватных штанах и в стареньких, надетых поверх войлочных чулок сапогах из яловой кожи. Он восседал на пегом, точно в заплатках, унылом мерине с отвислой, старческой губой. Казалось чудом, что мерин не только держится на ногах, но еще и держит на себе всадника. У него сильно выгнулась под седлом спина,

с кожи ключьями сползала шерсть, под ней, как обручи, торчали ребра и шишковатые мослы, холка, вытертая догола и иссеченная в кровь, была залита березовым дегтем...

— Здравсья,— первым сказал Гашута, увидев старого знакомого, и опустил поводья на луку седла.— Лебяжка пошел!

— В Лебяжье,— сдержанно ответил Корней Черных.

Гашута выехал к дороге, видимо, только из любопытства, отдавая дань древней степной привычке. Указав черенком плети, сделанным из таволожника, на трактор, он сказал:

— Новый машина! Селина пойдет!

— Да, на целину...

— Слышал наша, слышал!

Корней Черных вдруг недружелюбно спросил:

— Ты чего ж это, Гашута, залез на эту клячу?

— Какой кляч? Моя кляч?

— Он же едва стоит! Того и гляди, упадет.

— Худой лошадак! — охотно подтвердил Гашута. — Совсем худой! Кожа, кости... Овес нет, соломка нет... Дохнет скоро лошадак!

— Слезь, пусть отдохнет,— предложил Черных.

— Это можно, можно,— покорно согласился Гашута, слез с лошади, оставив поводья и плетя на луке седла, подошел к Черным и сунул ему в руки свою сухую, заскорузлую, негнущуюся ладонь.— Здравсья...

— Когда отару-то сюда выгнал? — спросил Черных.

— Вчера гнал.— Гашута вздохнул.— Пропадал берашка!

— Много?

— Ой, много пропадал! Сам гляди!

Последние три года Алтай жестоко страдал от засухи. Нынешней зимой в степных колхозах особенно рано вышли скудные корма и начался падеж скота. На спасение его были брошены все силы. Колхозники повсюду раскрывали соломенные крыши, обшаривали остожья и тола, разыскивали под снегом забытые копешки соломы и сена, везли из боров на фермы мелкий осинник и сосновые ветки, вырубали на болотах травянистые кочки... Сотни тракторов развозили с железнодорожных станций по колхозам хлопковые жмыхи, полученные из Туркмении, которыми на фермах приправляли сенку из соломы и поило; сотни тракторов таскали по степи огромные снопаки, разгребая ими снег до земли; тощий, обессиленный скот брел следом, еле переставляя ноги и подбирая одинокие сухие былинки... Точно назло, на редкость запоздала весна, и скот пришлось лишней месяц держать на фермах. Но только появились проталины, на них повсюду выгнали большие стада кластьких, медлительных коров и отары слабеньких, падающих на каждом шагу овец с малыми ягнятами... Но какой подножный корм мог найти скот в степи, которую три года подряд выжигало нещадное солнце!

Уже много лет старый Гашута вместе со своей дочерью и снохой работал на овцеферме в лебяженском колхозе; сын его Нимгир

был трактористом, а жена, старая, измученная разными недугами, занималась только домашними делами. Чабанская работа тяжелая, но выгодная: заработок постоянный и большой. Поэтому семья Гашуты держалась места на ферме крепко, работала хорошо и получала немалые доходы: ежегодно глубокой осенью в виде премии за прирост поголовья ей передавалось с полсотни овец. Одну часть из них Гашута продавал на рынке, другую — резал для еды и оставлял на приплод. Своего дома Гашута не имел, а жил всегда в сторожках на кошарах, ближе к делу, и по причине своей бездомности, с согласия руководителей колхоза, держал своих овец в колхозной отаре. Это вполне устраивало Гашуту. Ему не приходилось думать о крыше и корме для своих овец, он мог, считая своими, продать или прирезать любые головы из отары, не боясь при этом сбиться со счета, наверняка зная, что все само собой благополучно покроется осенью; его овцы всегда ягнились двоешками, их не валили с ног никакие болезни, их боялись трогать даже волки... В колхозной отаре всегда по бухгалтерской книге — значилась его маленькая отара. Конечно, она была гораздо меньше той, что держал Гашута до колхозов на Черных землях, но все же нельзя было гневить небо: он жил любимой, полукочевой, безбедной единоличной жизнью. Бывали счастливые минуты, когда ему с седла казалось, что перед ним не колхозная, а его собственная отара и вокруг не алтайские, а приволжские степи...

Когда кто-нибудь из колхозников заговаривал о жизни Гашуты, председатель колхоза Степан Родичев одергивал такого:

— Ты Гашуту не тронь! Он вон как работает! У кого отара лучше? Ишь ты, овец своих держит! А ты не держишь приусадебный участок? Он овцами только и живет. Понимать надо.

Отара Гашуты славилась своей выносливостью, плодотворностью, прибыльностью. Но теперь и на нее нельзя было смотреть без горечи. Алтайские меринсы с густой, грязной, свалывшей шерстью передвигались редко, а чаще стояли, опустив головы, обнюхивая, но не трогая сухие, жесткие стебли степных трав, не помятые снегом, или едва-то-едва шевелили непослушными губами, подбирая былинки с земли. Очень часто овцы, точно спотыкаясь, вдруг падали на колени и так стояли подолгу, точно молясь. Многие спокойно, в разных позах лежали на талой, холодной целинной дернине. Дочь и сноха Гашуты только тем и занимались, что ходили по отаре и, хватая лежавших овец за шерсть, поднимали их на ноги и заставляли стоять. Но разве заставишь стоять того, кто сам не может стоять на земле? Только женщины отходили, овцы тут же падали замертво.

— Ягнят много? — спросил Черных.

— Много, много! Все пропадал!

Гашута искренне страдал, видя гибель отары.

— Мало овечка — всем плохо, — пояснил он. — Колхоз плохо, моя тоже плохо...

К отаре подтянулись вся колонна. Желая поразмяться и узнать причину остановки, молодые новоселы шумно покинули машины и сани. Только Феня Солнышко, к удивлению девчушек, не двинулась с места.

— А чего на него глядеть? — сказала она о Гашуте. — Черная душа — вот и всё...

Окинув быстрым взглядом Гашуту, его коня и бродившую поодаль собаку, Леонид Багрянов с недоумением спросил своего помощника:

— Что случилось, Корней Степанович?

— А ничего особого, — ответил Черных. — Степная привычка. Встретились, вот и хочется ему поговорить, узнать новости. Это чабан из Лебяжьего.

— Значит, первая встреча на лебяженских землях?